

ИЮНЬ

2 июня 1913 г. Париж.

«Русский сезон» в Париже

(От нашего корреспондента)

В течение ряда лет Париж весною видит то русский балет, то русскую оперу, то балет и оперу вместе и знакомится, таким образом, с русской музыкой, русской хореографией и русским декоративным искусством. Это и есть «Русский сезон», явившийся, как признаются сами французы, для них настоящим откровением, новым словом, сумевшим увлечь и очаровать парижан, требовательных, консервативных и полных самомнения парижан. Но ни разу «Русский сезон» не был ещё так блестящ, так интересен, как в нынешнем году, и ни разу не поднимал он такого количества споров, и толков, и восторгов, и осуждений.

Восторги - естественны. Дягилев, организовавший и балетные и оперные представления настоящего года, собрал для них совершенно исключительные силы: первоклассных певцов и танцоров, первоклассных композиторов и декораторов. Получился удивительный «ensemble», к которому не привыкли даже парижане. Общее впечатление, получаемое зрителем от постановки, - впечатление глубокой художественности замысла и необыкновенной талантливости исполнения.

Из опер в настоящем году ставят здесь «Бориса Годунова» и «Хованщину» Мусоргского, - последнюю в окончательной редакции Стравинского, и «Псковитянку» Римского-Корсакова. Дирижирует Купер. Поют Шаляпин, Думаев, Запорожец, Петренко и ряд других, менее известных, но без исключения прекрасных певцов. Хоры - петербургской оперы. Режиссёр - А. Санин. В балете - Нижинский, Больтц, Карсавина, Пильц и друг. Декорации Рериха, Федоровского, Бакста, Юона <...> и друг. Сотрудничество стольких знатоков и талантов не могло не дать прекрасных в полном значении этого слова результатов. Громадный театр des Champs Elysees поэтому всегда полон, несмотря на очень дорогие цены нижних этажей его, и многие не могут достать для себя мест. Всё, что есть в Париже богатого, любящего искусство или заражённого снобизмом, - стремится пересмотреть русский балет, послушать русскую музыку, познакомиться с художественным отражением «de la mysterieuse ame russe»¹. Пресса и художественная критика не скупятся в похвалах ни гению композиторов, ни таланту исполнителей, ни художественному пониманию режиссёров. Словом, успех необыкновенный.

Но для того, чтобы успех был полным, недостаточно нравиться всем. Нравится всем только то, что хотя и очень хорошо, но в основе своей посредственно, что является блестящим общим местом. Исключительное, высокоталантливое, оригинальное делит мир на два лагеря - на лагерь пылких адептов и озлобленных врагов. В первые приезды сюда русского балета он приобрёл пылких адептов. Врагов не было, если не считать нескольких художественных критиков, ворчавших против «варваризма», «суэты и пестроты» русских постановок. Очевидно, это были друзья банального, казённого искусства, - и так как их было немного, и общественное течение шло не с ними, - они ворчали тихо, сквозь зубы. Но в нынешнем году они получили козыря в руки, - и этим козырем является «Le sacre du Printemps», «Таинство весны», доисторический балет под музыку Стравинского.

Я не знаю, ставилось ли «Таинство весны» в России; если и ставилось, вероятно, не все имеют представление об этом балете; позвольте поэтому, в нескольких словах, охарактеризовать его. На сцене чествование и жертвоприношение Яриле, сыну солнца, богу плодородия и любви, - чествование и жертвоприношение, для воссоздания

¹ Таинственной русской души (фр.). — Ред.
Благовоспитанности (фр.). — Ред.

которых мы должны ограничиться лишь тем материалом, который даётся беглыми указаниями стариннейших описаний (у арабских писателей) и пережитками. Материал недостаточный. Он недостаточен, потому что не даёт ни древнейших форм ритуала чествования и жертвоприношения, ни плясовых и музыкальных форм той не определённой, но очень древней эпохи, ни костюмов. Приходилось конструировать и то, и другое, и третье по сохранившимся фрагментам, и конструировать с соблюдением требований сценического и специально балетного искусства, отодвигая на задний план этнографическую задачу. В этих условиях задача ставилась такая: создать музыку, танец и ритуал, которые, нося печать страны и расы, передавали бы душу эпохи, т. е. прежде всего душевные переживания наших поклонявшихся природе прапращуров, - создать доисторический русский балет.

Оставляю в стороне теоретический вопрос: можно ли ставить и можно ли браться за разрешение такой задачи. Скажу одно: взявшись за неё, русские художники проявляли всю силу своего оригинального таланта, массу изобретательности, глубокую способность проникновения, творческой фантазии и свободы. Музыка Стравинского - единственная; такой музыки ещё не было. И это не потому только, что она написана с нарушением всех требований гармонии и контрапункта, что временами она не делает ничего кроме хаоса дисгармонических звуков, а потому, что он сумел сочетать с этой звуковой хаотичностью и дисгармоничностью яркую психическую выразительность. Музыка режет ухо, даже глухое; она напоминает временами скрипение и визг сотни немазанных арб; в ней нет ни одной мелодии, а только смутные и неясные зародыши их; она дика и неожиданна, - и, тем не менее, она временами потрясает и передаёт и дикую энергию молодого человечества, не порвавшего ещё пуповины, соединявшей его с матерью-землёй, и силу тёмных, неясных чувствований, ими владевших. Печать духовной скудости и в то же время неведомой нам напряжённости жизненных процессов лежит и на танце. Вероятно, он, с археологической точки зрения, произволен. Но сущность его угадана, должно быть, очень верно. Глядя на быстрые, однообразные движения, - то бег на месте, то стуки о землю обеими ногами, то поклоны, у всех участников одинаковые, явно ритуальные и проведённые в бешеном темпе, - я вспомнил недавно виденный мною танец одного сомалийского племени, который весь состоит из быстрых скачков с одной ноги на другую и стучанья обеими ногами о землю. Это был военный танец, бедный по формам, но дикий и грозный, - так много бешеной энергии вкладывали в него наши чёрные кузены. И ту же бедность форм и страстность даёт нам и наш доисторический балет. Второй акт его заполнен выбором девушки для жертвоприношения и её предсмертной пляской. Пляска эта на вершине жертвенного холма, среди мрачных, звероподобных жрецов, дика, нелепа и в то же время глубоко-трагична, - настолько трагична, что трогает чувством боли и жалости сильнее многих современных трагедий и драм: видишь и чувствуешь отчаяние, мистический экстаз, страх и мольбу ещё слепой, ещё полузверской, но уже и получеловеческой души.

Теперь представьте себе великолепную залу великолепного театра, занятого той публикой, которая из *«comme-il-faut»* [*«как подобает» (фр.) – ред.*] сделала себе верховный закон, действующий не только в области быта, но и в области искусства. Она любит всё то, что привычно, что служит удовольствию, что радует глаз и оставляет в покое ум. С русским балетом, с русским искусством она не только мирится, она им восторгается по двум причинам: она нашла мост, связывающий его с признанным искусством, и, кроме того, авторитеты сказали ей, что это - «новое слово»; кроме того, Нижинский так прыгает и так изображает сладострастного негра, что нельзя оторвать даже и «комильфотных» глаз. Но когда она услышала рёв, хрипение и визг доисторического оркестра, а балерина Пильц в роли обречённой стала, искривившись, ноги врозь и носки внутрь, - она, эта публика, была оскорблена в своих лучших чувствах. Что это? Издеваются над нею? Или сами с ума сошли? Вскрыли свою собственную варварскую природу? Или заблудились в гениальничаньи? Но всё-таки ведь это -

прославленный русский балет! Ведь ставил его кумир Нижинский! Как же быть?! Сердиться? Уйти из театра? Смеяться? Оскорбиться? Неизвестно!

<...> Я не думаю, чтобы это было чудо. Я не думаю, чтобы доисторический балет не нуждался в поправках. Но я давно не глядел на сцену и давно не слушал музыки с таким жадным вниманием. Какие-то нити протягивались от меня к той далёкой старине, когда жили и мои предки, наивно и глубоко верили и делали первые нелепо-неуверенные шаги к человекообразному бытию. И веял какой-то ветер из глубины седой, неведомой старины, от пращуров ко мне, их потомку.

Белоруссов

Русские ведомости (Москва). 1913. 2 июня. № 126. С. 4.

3 июня 1913 г. Париж.

Русский балет в Париже

1. «Весна священная». «Игры»

«Весна священная» - совместное произведение Н. Рериха, Игоря Стравинского и Нижинского-балетмейстера, - новое усилие, знаменательное и яркое, если не победоносное, нашего зарубежного балета, усилие почти великолепное по дерзкому своеволию.

Часть зрителей-французов, полюбивших, однако, «Шехеразаду», «Хованщину» и «Петрушку», буквально металась под бичами этой небывалой музыки, жестоко уязвлённая горечью мнимой мистификации, захлёбывалась мстительной враждебностью к исполнителям, заглушая оркестр злорадными протестами. Иные выражали одобрение не менее вызывающее, но без твёрдости.

И подлинно новый «русский балет» не призван, по-видимому, нравиться. Лишь третье представление внесло частичное успокоение. Победила прихотливая, но внушительна[я] воля новаторов.

В замысле Рериха - либреттиста и декоратора - сквозь прозрачную историческую маску дохристианской Руси с явственностью обозначается, смятенный и таинственный, древнейший лик первобытного человечества, искажённый ни с чем не сравнимым, стихийным ужасом перед тайной вещей.

«Картины языческой Руси» не имеют сюжета в смысле психологического развития: ведь слишком темны и рудиментарны душевные побуждения древних людей. Поэтому действию недостаёт конструктивности.

Рерих воссоздаёт элементы быта и культа, весенние радения шаманов, вымышленные обряды поклонения обновлённой земле, заклятие избранной жертвы.

Среди ярко зеленеющих холмов, с тяжко волнующимися округлыми массами, под нависшим, точно каменным небом (обычный сценарий ретроспективных виде-ний художника) - юноши и девушки предаются мистическим пляскам. Древнейший из старцев поклоняется земле. Мы не видели ничего подобного этим пляскам. Точно под гипнозом, монотонным и сумрачным, повторяются всё те же движения, грубые, связанные и тупо-упорные, пока внезапный спазматический толчок не изменит одуряюще однообразной пластической ноты.

Точно обезличенные культом, чуждые индивидуальных побуждений, пляшущие передвигаются стеснёнными группами, локоть к локтю.

Над ними всеильно царит какое-то неотвратимое принуждение, искривляющее их члены, тяготеющее над согнутыми шеями. Чувствуется, что иные движения, более свободные и гармоничные, для них запретны, потому что были бы кощунственны. Во всём этом психологическое правдоподобие - очевидно. И эта тяжё-

лая мистическая одурь, владеющая пляшущими, отзывается у зрителей болезненным и острым, я сказал бы, физиологическим недовольством.

Источник этого ветхого наваждения, проникающего своими внушениями утончённейших из сценических художников современности - русских танцовщиков - таится в музыке Стравинского, эксцентричной и демонической (в ней много звучностей, знакомых по «Петрушке»), пронизывающей слух нестерпимыми неблагозвучиями, тяжкими и повелительными ритмами.

Если попытка Стравинского явилась неудачей, а это представляется вероятным, то что это за блистательная неудача! Так богата музыкальная ткань, так напряжена и независима творческая воля, таково погружение в первобытную душу, рабскую и патетическую. Правда, великолепные краски «Фейерверка» и «Жар-птицы» сменились здесь грубым рубищем варварской мелодии. Деревянные инструменты звучат иногда простодушно, подобно свирелям первых пастухов, а фаготы подобно просверленным черепам в ловких пальцах людоеда-импровизатора. <...>

Но в том, как воспринял эту музыку балетмейстер, в том, как он подчинил ей исполнителей, - роковая ложь и очень поучительная ошибка этой постановки.

Единственная цель придуманных им движений - осуществление ритма. Ритм - такова здесь единственная, чудовищная сила, обуздавшая первобытную душу. <...>

Но ведь ритм — только голая форма, только мера движения во времени, лишённая содержания. Неблагоразумно было приносить ему в жертву пластику. И вот, всюду, где хаотические метания одержимых весной и опьянённых божеством дикарей обращались в нудный показательный урок ритмической гимнастики, когда шаманы и бесноватые начинали «ходить ноты» и «делать *accelerando* или синкопы», - там начинался психологический провал всего замысла, самое законное и самое комическое недоумение зрителя. Наивная кустарность приёма отталкивала.

Новый ритмический формализм не по праву подавляет самодовлеющую пластику; к тому же он пуст и мало впечатляет сам по себе.

Хореографический опыт XVIII века оставил нам предписание: давать чувствовать ритм, не подчёркивая его. Ныне оно забыто. Думается, что те, кому не терпится сковать танец чуждыми принуждениями во славу нарочитой и недостаточно осознанной новизны, вносят в искусство театрального танца ненужную и опасную суету.

Вторая картина балета: зеленоватый полумрак облачной северной ночи; святилище; высятся шесты с черепами. Тут нежданно расцветает эпизод, полный благоуханного лиризма: девушки в красных одеждах, с ангельским жеманством иконописных жестов, плечом к плечу, ведут круговой хоровод. Рассеявшись, они ищут какой-то мистический путь. Избрана и прославлена скачками и плясками жертва (её очень уверенно, мужественно, почти красиво исполняет Мария Пильц). Вокруг неё согбённые старцы в звериных шкурах смыкают круг. Доныне неподвижная, бледная под белой повязкой, она пляшет предсмертную пляску. Колени сдвинуты, носки повернуты внутрь. Внезапная конвульсия бросает в сторону окостеневшее в резком изломе тело.

Под свирепыми толчками ритма, оглушённая пронизывающими звучностями оркестра, она мятётся и корчится в экстатической и угловатой пляске. И вновь: леденящий комизм этой первобытной истерии волнует зрителя небывалыми впечатлениями мучительного гротеска.

Пляска нарастает, пока избранная дева не падает бездыханная на руки жрецов.

Кошмар, исполненный местами - там, где он не подменён бесплодной механикой рудиментарного лиризма и косного ужаса, обрывается. Для зрителя - это почти облегчение....

Андрей Левинсон

Речь. 1913. 3/16 июня. № 149. С. 2.

5 июня 1913 г.

Театр и музыка

Русский сезон в Париже заканчивается 8-го июня. 1-го [июля] начинается сезон в Лондоне. Перед отъездом из Парижа хор Мариинского театра даст два концерта. В Лондоне пойдёт, между прочим, опера «Псковитянка». Будет также поставлен новый балет Рериха и Стравинского - «Весна священная».

Речь. 1913. 5/18 июня. № 150. Среда. С. 6.

6 июня 1913 г. СПб.

Ещё о парижском балетном скандале

Композитор Н. Н. Черепнин называет поведение парижской публики хулиганством

Вслед за Н. К. Рерихом вернулся из Парижа композитор Н. Н. Черепнин, ездивший туда для переговоров о своём новом балете «Красные маски».

Г[-н] Черепнин присутствовал на скандальном спектакле в театре Астрюка и вынес о нём несколько иное впечатление, чем г. Рерих.

- Я читал интервью с Рерихом, - сказал нам молодой композитор, - и больше всего меня удивила фраза Стравинского: «Это - успех, потому что теперь нам обеспечены 38 тысяч франков в вечер». Из уст артиста как-то странно слышать такие слова...

Совершенно не согласен я и с тем, что парижская публика пришла на балет «Священная весна» с предвзятым мнением.

Если у французов может быть какая-нибудь предвзятость к русскому искусству, то скорее в положительном смысле, чем в отрицательном.

В самом деле: вспомните, с каким восторгом встречали всюду в Париже русский балет и русскую оперу...

Предвзятое отношение к нам было в Риме, где мы с самого начала знали, что имеем дело с организованной бандой каморристов.

На какой почве могла быть предвзятость в Париже?

Я считаю этот мотив совершенно неосновательным.

- Чем же вы объясняете этот скандал?

- Что касается хореографической части нового балета, о ней я абсолютно ничего не могу сказать.

Я сам писал музыку для балета, но эта сторона вне угла моего зрения. Относительно костюмов Рериха могу сказать, что от них действительно веяло весенней свежестью. Костюмы были прекрасные.

Но совершенно не удовлетворяла меня музыка Стравинского, оказавшаяся в полной дисгармонии с декорациями.

Это была не оригинальная музыка, а это было какое-то оригинальничанье.

Рядом с проникновенными, глубокими декорациями Рериха Стравинский дал какую-то совершенно не подходящую сюда назойливо-вычурную музыку.

Архаическая музыка должна быть монотонной, как песни самоедов, повторяющих без конца одну и ту же фразу.

Рерих дал дивные декорации. В особенности хороша декорация второго акта, с человекообразными облаками.

Теперь мне хочется передать вам свои впечатления относительно публики.

Более хулиганского отношения к артистам трудно себе представить.

Как бы неудачен ни был новый балет, но если бы вы задали мне вопрос: заслужили ли авторы и артисты такое отношение публики, я бы ответил:

- Нет, не заслужили.

Публика вела себя так, как только могут вести себя якобы культурные парижане, являющиеся в театр прямо от какого-нибудь Паяра, с полными же-лудками, сытые, икающие, одобрительно рявкающие, или громко выражающие своё недовольство.

Воспитанная на разных «Фолибержерах», парижская публика представляет собой верх разнузданности, и о ней нельзя говорить без чувства возмущения. <...>

Считаю необходимым отметить удивительную энергию Дягилева.

Деятельность его прямо громадная, а между тем он встречается на своём пути пока только одни тернии. Уверен, что если не теперь, то со временем его оценят по достоинству.

Петербургская газета. 1913. 6 июня. № 152. С. 13.

6 июня 1913 г.

Русские артисты в Париже

Гастроли труппы Дягилева заканчиваются 8-го июня. Перед отъездом из Парижа хор Мариинского театра предполагает дать два концерта. В Лондоне гастроли начнутся не раньше конца июня. В репертуар включена и опера «Псковитянка». Распространившиеся было слухи о снятии с репертуара балета Н.К. Рериха, Стравинского и Нижинского «Священная весна» - действительно не соответствует: балет включён в программу лондонских гастролей.

Театр и жизнь. 1913. 6 июня. № 6 июня. № 33. С. 9.

7 июня 1913 г. СПб.

Художественные вести

Академик Н.К. Рерих решил не выставлять в будущем художественном сезоне. На днях он выезжает на Кавказ.

Речь. 1913. 7/20 июня. № 152. С. 7.

[10-11 июня 1913 г. Поезд «СПб – Москва – Харьков... Кисловодск».]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

К Москве.

Родная моя Ладушка.

Еду мимо Берёзки; видел Окуловку. Жаль, что мы не в Берёзке. День-то хороший. И неестественно, что я всё без Тебя. Бедный Ты, бедный Мисик. Такого лета ещё и не было. На Кавказ что-то мало тянет, хоть бы уж не так плохо вышло. Пробую писать, но что-то очень трясет. Завтрак дали: яичницу, цыпленка и персик.

Уж очень хороши наши озёра, уж очень мы хорошо ездили! А как поехал мимо Ключина, даже чуть не заплакал, об этом уже совестно было в открытке писать. Милый Ты мой, любимый Мисик.

Москва. Погода чудная.

В Вечерней Московской прочёл, что в СПб. на Бирже был настоящий погром. Что же это такое?

Харьков. Прохладно.

Скучная степь. Скал не видал. Скажи Белому – пусть А. Ф. на месяц в Нарзан приезжает. Куда-то везут – посмотрим.

Как у Тебя? Хоть бы мне запастись силами, а главное, нервами. Так плохо без этого, всё слишком чувствительно. Теперь напишу вечером в Кисловодске. Где-ниб. да устроюсь.

Целую Ю. и С. Целую Тебя. Как глупо без Тебя по новым местам. Во всю нашу 12-лет. жизнь наши родные нам не только не помогли, но даже наоборот. Впрочем, лучше не думать.

Сейчас пошли белые овраги. Мельницы с 8 крыльями.

Пиши мне, как у тебя идет все?

Харьков.

Мой милый, мой любимый!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/404, 2 л.

11 июня 1913 г.

ГОРОДА ПУСТЫННЫЕ

Мир пишется, как ветхий муж.

Повинны человеки устремлением.

Устремлением возрастают помыслы.

Помысел породил желание. Желание подвигло веление.

Здание человеческое устремлениями сотрясается. Не бойся, древний муж!

Радость и печаль — как река. Волны преходят омывающие.

Возвеселился царь:

- Моя земля велика. Мои леса крепки. Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой народ весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

- Много у нас лесов и полей. Много у нас певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошёл в палату ветхий муж. Пришлый человек. Царю и царице поклон дал. Сел в утомлении.

Царь спросил:

- Чего устал, ветхий? Видно, долго шёл в странствии?

Воспечалился ветхий муж:

- Земля твоя велика. Крепки леса твои. Полны реки твои. Горы твои непроходны. В странствии едва не погиб. И не мог дойти до града, где нашёл бы покой. Мало, царь, у тебя городов. Нам, ветхим, любо градское строение. Любы стены надёжные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

- Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

Восплакал царь:

- Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

Возвеселился ветхий муж:

- Будут, царь, у тебя города. Вместишь в стены весь народ. За две земли от тебя живёт великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалея наградить царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, доuku великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату великанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Всё ему было обещано. Всё ему было отписано.

Воспечалилась царица:

- Ой, возьмёт меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвёздный мир, помогите, мои травы цветочные, - ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землёй дума великая. Думою море воспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкой.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские со стенами, вратами и башнями. Повытряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески тёмными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, воротами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принёс города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую весёлую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастью великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня весёлая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдёт.

Н.К. Рерих

Русское Слово (Москва). 1913. 11/24 июня. № 133. С.2.

**[11-12 июня 1913 г., на пути в Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Вторник.

Родная моя Ладушка!

7 час. веч. подходим к Таганрогу, там будет видно море. Со мной в поезде оказался доктор Саковский, старичок из гимназии Мая, тоже едет в Кисловодск. День был жаркий. Стараюсь уверить себя, что будет не очень плохо, а то иначе и не поможет. А хочется, чтобы помогло, чтобы ободриться и набрать силу.

Кисловодск.

Пансион Ганешина.

3 ч. дня.

Благодаря Черчикову, меня устроили хорошо. Вид с террасы превосходный. Комната и полный пансион 6 р. в день. Уже побывал у Романовского. Кажется, он с меня сдерёт. Придётся делать массаж у *Щукина* (того, что разбил посуду). Два дня надо привыкнуть, не брать ванн. В общем, похоже на *Neuepahr*. Горы зелёные. Я очень высоко – лихорадок, говорят, нет.

Как у Тебя всё? Господи, как бы хорошо было и Тебе тут быть. Пиши мне, мой милый Мисик. Спешу послать, чтобы Ты раньше получила. Сейчас буду вещи разбирать. Пусть ребята пишут.

Целую Тебя всю крепко. Очень люблю.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/458, 2 л.

Хроника Кисловодск

За 12 – 13 июня в Кисловодск прибыли:

<...> Рерих Н.К....

Газета «Кавказский край» (Пятигорск). 1913. 14 июня. № 131. С. 5.

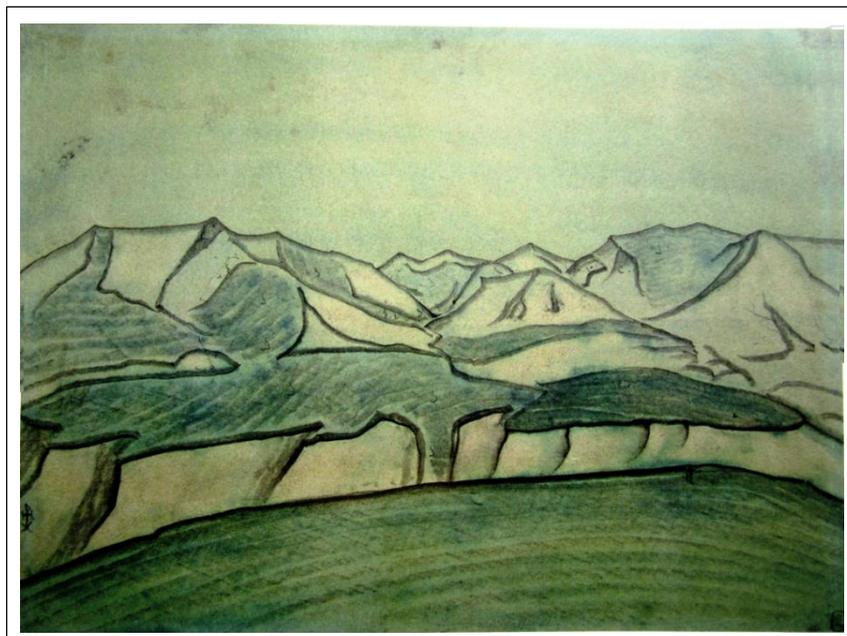
12 июня 1913 г. Кисловодск.

Список лиц, взявших сезонные билеты Кисловодская группа. Иногородние платные. За 12 июня

...Рерих Н.К. - гост. Ганешина – [из] Петербурга. ...

Пятигорское эхо. 1913. 16 июня. № 137. С. 5.

«Здесь горы видны только зелёные, обросшие. Прогулки, верно, хороши...»

Н.К. Рерих. Пейзаж.1910-е. Эскиз.

**[12, 13 июня. 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Родной мой Мисик. Кисловодск вроде Villars'a, но в Villars'e как-то просторнее. Здесь горы видны только зелёные, обросшие. Прогулки, верно, хороши. Черчиков очень предупредителен. Всё-таки известность иногда полезна. Здесь старик Садиков со старухой. Я внёс уже 5 р. в курзал и купил 10 ванн. 1 ванна не более 5 минут. Щукин будет делать массаж кишечника. Я всё уверяю себя, что всё будет хорошо и что всё должно нравиться – чтобы не раздражаться. Уж очень хочется окрепнуть.

Как-то у Тебя? За меня совсем не беспокойся, только сама-то держись, тоже думай, что всё хорошо. Это единственное самоутешение, чтобы нервы не так расстраивались, а то просто беда. Когда Тебе удастся перевезти Муличку? Посмотришь на Садиковых – этакие старики, а тоже мыслят, да ещё всё новые дома строят.

Сейчас 8 ½ вечера я уже поднялся наверх. Вечер страшно тёмный и бродить во тьме в незнакомом месте вряд ли приятно. Посижу и залягу спать.

Публика очень смешанная, много гвард. военных, много купечества. Вероятно, есть и интеллигентная публика, но её сразу не видно. Неприятно спать в незнакомой комнате, страшновато. И Тебе одной в большой комнате жутковато, а вместе бы хорошо. Завтра с утра условлюсь о часе ванн. И начну дело!

Четверг. Утро. 8 час.

Прохладно. Пошлю сейчас ночное исследование и пойду бродить. Установлю час ванны.

Горы в облаках. Ещё ничего не знаю. По горам уже бродят какие-то фигуры. Буду вставать часов в 7. Жду Твоего письма. Береги себя, мой миленький. Как волосы Твои?

Когда перевезёшь в Царское? Ведь Т. Людя через день ездить может. Дай себе хоть малый отдых.

Целую Тебя и люблю.

Н. Р.

Пусть дети пишут.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/380, 2 л.

«Горы в облаках...»

Н.К. Рерих. Облака. 1913.

Н.К. Рерих. Облако. 1913.

[13 июня 1913 г. СПб.]

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

Четверг

Родной мой Майчик! Вчера заходила к Кафталою - Макс всё передо мной извиняется и, видимо, очень хочет нас поддержать. Он предложил мне переложить Лесснера (326) на Барановские (250), уверяет, что имеет прекрасные сведения. Я согласилась, т.к. в конце июня их покупали. Нефть утром 265, а накануне вечером в Аквариуме платили 270 – пожалуй, стоит подержать. Авось, как-нибудь выпутаемся.

А вот что делать с мамой, этого я не знаю. Во вторник я была у Путятиных – оказывается, никаких санаторий для душевнобольных ни в Царском, ни в окрестности не имеется. В дворцовом госпитале ужасно скверно, там делают исключение для мамы и принимают её, но только на 3 недели, а там, пожалуйста вон, т.к. начнётся перестройка здания.

Софья Сергеевна дала мне адреса всех существующих лечебниц, пансионатов и санаторий, но я тщетно ездила, нигде не принимают из-за головы. Тогда я обратилась с претензиями к Домбровскому, и он согласился оставить ещё недели на две, а затем я могу взять её к себе. Он уверяет, что её возбуждение пройдёт и останется забывчивость, кот. на психику детей влияния оказывать не может. Вернувшись домой и застав Борю, мы с ним прикинули, что будет дешевле — содержание ли в лечебнице, или же на даче, вышло приблизительно одно и то же. Денежный вопрос тоже должен быть рассмотрен. Боря очень противится перевозу мамы на дачу. Биржевой фельдшер тоже не советует этого делать из-за детей. Он очень любезный – вчера и сегодня ездили узнавать, какие лечебницы существуют в окрестности Питера, в случае необходимости перевоза. Ему очень хвалили Шуваловскую. Всё это меня мало устраивает и потому я повидала Шарлоту, кот. главным образом нас и выживает и заявила, что я здесь остаюсь. На это она мне ответила, что здесь больница не для нервных, и что мама страшно всех беспокоит и на нашу комнату у неё имеются 7 претендентов, кот. предлагают ей даже взятки! (Какова особа!)

Я несколько не смутилась и возразила ей, что всё очень хорошо понимаю, и т.к. мама является *также хирургической* больной, что, покуда рана у неё не заживёт, мама и останется в *хирургической* больнице. Она страшно разозлилась и сказала, что переговорит с Домбр. Результат, должно быть, был в нашу пользу, т.к. нам дали 3 недели сроку, а что будет дальше - не знаю. Голова отнюдь не лучше.

Детишки пока довольны Павлов[ском], а я всё не могу примириться, слишком это нелепо и даже при существ. обстоят, кошмарно.

Как ты устроился? Как еда? Что ск[азал] доктор. Пиши всё подробно. Береги себя, мой родной, милый Майчик. Мы тебя целуем и уже отсчитываем дни.

Лада

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1215, 2 л.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1214, 1 л. (Продолжение письма ф. 44/1215.)

**[14 июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Пятница 9 вечера.

Родная моя Ладунка. Твою телеграмму я получил только в 2 ч. в Пятницу. «Всё хорошо». Воображаю, каково это хорошо. Будь хоть за меня спокойна. А то, верно, волнуешься обо всем. Так мне жаль Тебя, так хотелось бы и Тебя тут видеть. Ну да что нельзя, то верно нельзя.

Сегодня читаю в Рус. Сл. (там 11-го была моя сказочка²), что войны не будет, а сегодня же в местной газете пишут, что война уже идёт. Всё-таки вол-

² Сказка Н.К. Рериха «Города пустынные» - см. выше. – Ред.

нительно. Что думает Руманов? Не нужно ли сбросить что-нибудь? А мне волноваться Романовский при ваннах запретил. Иначе пользы не будет, а то и вред.

Мой день распределится с Субботы так: в 8½ порошок в Смирновской воде (есть и такая), в 9 ванна, в 10 молоко, в 11 массаж. От 12-1 ч. прогулка. От 1 до 2 обед. От 2 до 3 - отдых в постели. От 4½ - 5 - молоко, простокваша. От 5 до 7 - два свободн. часа (письма, этюд, прогулка). От 7 - 8 ужин. В 9 клизма, в 9½ порошок в стакане Эссентуков № 17. В 10 - спать. Вот мой день. Вроде маятника.

Сегодня Шукин первый раз делал массаж. Было болезненно в правом боку. Он говорит, что если затвердение в кишечнике и отростке не разгонять, то и образуется аппендицит. Мне-то показалось странным, так как всё до сих пор мы слышали о покое слепой кишки, а тут вдруг массаж кишок и её в том числе. Спроси, если увидишь кого из докторов. Таких болезн. пунктов у меня наберется штуки 4 и он говорит, что чувствует их под руками. После массажа не болело, - может быть, и ничего! Посмотрим.

Романовского, насколько одни ругают, настолько другие хвалят. Не поймёшь. Много ходить мне он запретил, - чтобы не уставать. Не угодно ли: не уставать, не утомляться! Легко ли?

Сегодня ходил на синие камни, ел ягоды и черешни. Две недели мясо не буду есть, так сказано. Воздух здесь хорош всё-таки. Видно всё дорого обойдется: массаж (3 р.), ванны (1 р.), доктор (10 р.), всё так и набегаёт. Хорошо, если ещё доживу в этой комнате, под крышкой, а если жара завернёт, да придётся в дорогую влезать! Впрочем: не волноваться! Сейчас буду делать помпу и т. п. неинтересное.

Целую Тебя очень хорошо и жалею, что мы не вместе. Жду письма. Как Твои дела? Привет Боре. Ездит ли? Помогает ли? Пусть дети пишут. Здесь бабочек нет совсем, ни одной не видно. Работать, видно мало придётся. Занят хуже зимы. Пиши и живи поспокойней. Тоже не волнуйся. Так доктор велел!

20 порошков стоят 6 руб. Какие-то дорогие! В Аптеке 10 р.45 к. заплатил.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/384, 2 л.

Суббота. [15 июня 1913 г.]

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
ИМПЕРАТОРСКОГО Общества
Поощрения Художеств.

Суббота 11. веч.

Радость моя, Майчик милый, сегодня целый день в тревоге - жду письма, а его всё нет. Завтра утром посылаю телеграмму. У нас ничего нового. Наконец-то родственники пришли к убеждению, что самое лучшее решение судьбы Мулички, оставить её в больнице до полного заживления раны. Доза морфия увеличилась уже до 2 % и то мало действует.

Мне пока жутко и так страшно всё происходящее, что я ловлю себя на мысли, что я сейчас проснусь. Скверное состояние, мне даже дети кажутся какими-то призраками, должно быть оттого, что я их мало вижу и не могу привыкнуть к месту. Вторую ночь вижу себя сумасшедшей – ужасно страдаю, а меня никто не видит.

Скорей проходило бы лето! Беспokoюсь, что ты так далеко! Береги себя, родной мой, малейшее недомогание, обращай к доктору. Раз в неделю буду посылать телеграммы, чтобы в тот же день узнать, как ты себя чувствуешь.

Милый, милый Майчик! Сегодня была в городе заходила к Кафталю - они довольно удачно обменяли 25 Лесс, по 324 ½ на 30 Баранов. по 247. больше достать не могли, а сегодня они уже 255-54.

Скоро я, наконец, сброшу на Барановск. Макс надеется, что заработаем. – Всё забываю спросить, уехал ли Степа.

Боря был у нас всего раз с ночёвкой, видимо, смущается такой непосредственной передачей звуков. В день его пребывания, детишки спали у меня в спальне, их комната оклеивалась, и эти поросята нисколько не стеснялись. Они и здесь наслаждаются, но вряд ли поправятся - воздух тяжёлый душный не проникает в лёгкие.

Ну, целую тебя дорогой крепко и люблю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1217, 2 л.

[16 июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рерих к Рерих Е.И.

Родной мой Мисик.

Сегодня в воскресенье я взял первую ванну – как будто ничего. Был 3-й массаж, довольно болезненный. Щукин уверяет, что точки уже начали сдавать. Может быть, это лечение и правильно, - разгонит застой и кишечную неподвижность. После массажа ощущение лёгкости кишок. Один доктор предлагал сегодня с ним ехать на возвышенность Джемал, смотреть восход солнца, но я отказался. Ночью, в палатке, ещё простудишься. Правильно я сделал?

Конечно, здесь жить можно, но как это сравнить с Финляндией или Берёзкой? Кургауз, ванны, пришлый народ – уж очень я не люблю это. Мне сдаётся, что и для Твоего кишечника здесь было бы хорошо. И если мне поможет, то следовало бы нам ещё раз сюда с Тобою махнуть. Всё-таки массаж – большое дело.

Судя по здешним газетам – биржа не хуже того, как при отъезде. Жаль, что с письмами такая проволочка – в 1 ч. дня, а письма от Тебя всё нет, а от меня это уж 8-я весточка. От Среды письмо должно же идти 3 дня, но не больше же?

Скоро пойду обедать. Мяса совсем не ем. Молоко, простокваша, овощи, булку, яйца, кашу. При хорошем молоке и простокваше это возможно, и мясо не нужно.

Завтра высылаю два коврика – единственное, что было постарше и не дорого (50 р.) Больше подарка Тебе мне не купить.

Здесь ничего покупать не стоит, всё дороже, чем в СПб. Ковры новые (неважные) 120-300 р. Черешни 25 к. ф. Земляника (вickt.) 50 к. ф. Всё налажено, чтобы ободрать, всё равно, мол, неоткуда взять иначе. В Июле, говорят, будет ещё дороже.

Но прожариться на солнце можно. Много из меня поту уже вышло.

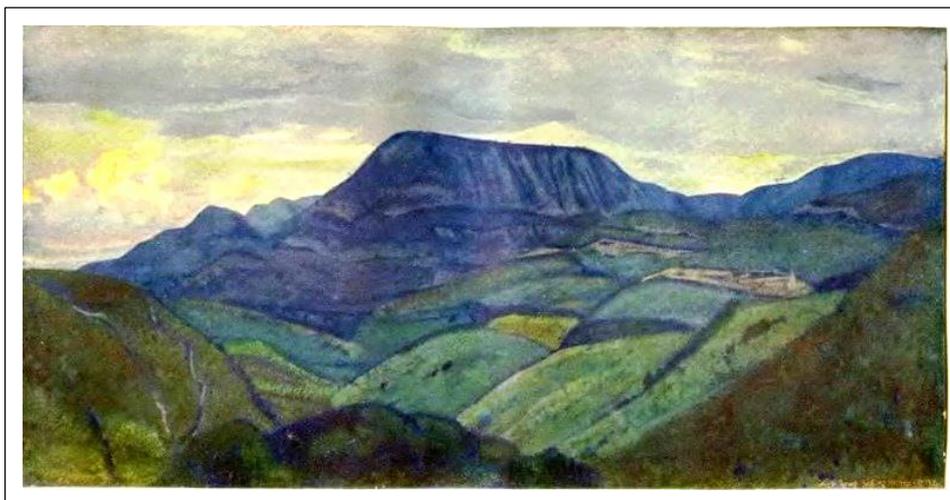
В 3 часа получил телеграмму Твою: «как здоровье беспокоюсь рада». Сейчас же телеграфировал: «Здоровье всё хорошо». Верно, Ты бедная волнуешься, а Ты не беспокойся, а то я буду очень за Тебя волноваться. Мне кажется, что из режима Романовского будет толк. Всё-таки кишечник много значит. Хорошо, если бы теперь сказать Двукраеву, что здесь я попал к Романовскому и он дал ванны, порошки в воде Смирновского и в Эссент. № 17 (на утро и вечер) и массаж. Грудной пор. совсем отменил, пока сказал помогать клизмами. Лечение на Двукраева похоже.

Я начинаю думать, что будет хорошо. Уже очень загорел я. Сегодня после 3-х ездил с Пурышевыми (*знакомые Садикова*) на гору Седло. Это подъём на извозчике по зелёным лужайкам. Это уже Швейцария. Травы медовые, на горизонте Эльбрус и цепь ледников. Воздух удивительный.

Почему Тебя-то нет? Это было бы славно. Ко мне относятся все хорошо. После 1-го приезжают Станиславские.

*А письма Твоего все нет! Милый мой!
Под вечер в комнате 18 гр. – жарковато.*

Отдел рукописей ГТГ, 44/456, 2 л.

Н.К. Рерих. Кавказ. Гроб гора. 1913.

17 июня 1913 г.

Письмо Лидии Константиновны Рерих к Рериху Н.К.

Дорогой Коля,
мама благодарит Тебя за письмо, она очень довольна, что Ты устроился у Ганешиных, там верно будет хорошо.

Как тебе нравится Кисловодск после заграничных курортов? Что Тебе назначил твой доктор? Берёшь ли Ты ванны Нарзана? Какое действие от них? Какая погода теперь? Если дожди – то одевайся теплее, чтобы не простудиться. После 7 час. Вечера бывает сыро в парке.

О нашем житье-бытье могу сказать, что мы все здоровы, но тоскуем о солнце. Мама чувствует себя хорошо. Но всё портят здесь бесконечные дожди. За всё наше пребывание здесь было только дня два солнечных. Местность тут

очень красивая, холмистая, чудный парк при имении. Только из-за грязи нельзя гулять, потому что от Володи надо перейти дорогу, чтобы попасть в парк, а это трудно выполнить после дождя.

Около дома у Володи есть небольшой сад и огород, где мы гуляем в антрактах между дождями. Саша 2 раза ходил на рыбную ловлю и очень удачно, но я ещё не была.

Угощаемся каждый день земляникой садовой и лесной и черешнями, а теперь и малина поспевает.

Познакомились мы с управляющим Аустер и его женой, они теперь поехали в Кисловодск и хотели там Тебя разыскать, чтобы передать наш привет. Если они поселятся у Ганешиных, то конечно познакомитесь, он очень симпатичный.

Как Тебе понравилась Анастасия Дмитриевна и её муж? Хорошо ли они Тебя устроили? Что пишут Тебе из дома? Как здоровье Екатерины Васильевны?

Пиши нам почаще и побольше. Мы все целуем Тебя и желаем поправляться. Передай наш привет Черчиковым.

Твоя Лиля.

19 17/VI 13.

Дорогой Коля, вспоминали Ваши рассказы о Подоль[ской] губернии и вполне согласны, что здесь очень красиво, но жить я лучше хочу где-нибудь опять в Воронеже, Тамб. Или Курской губ., чем здесь.

Теперь занятий мне много одному без Аустеру.

Лида и я крепко Тебя целуем и желаем всего наилучшего.

Любящий Тебя *Володя*.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1224, 2 л.

**[18 Июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Милый мой Мисик, родной мой. Только что послал открытку, как получил Твоё письмо. Какая гадость, что Тебе в больнице советовали брать дачу в Царском, когда там нет санатории. Ведь они отлично знают, что держать нервнобольных без изоляции нельзя, но, конечно, до полного заживления раны они удалить не могут. Фельдман прав, что в Шувалове лучшая санатория, но и там большая очередь, а, кроме того, и Тебе туда ездить тоже невозможно. Может быть, в Павловске можно где-ниб. добыть небольшую дачу, чтобы до осени поместить с сёстрами. Из-за детей в нашу дачу устроить нельзя и думать.

Мы справедливо упрекаем мамашу за неизоляцию отца, но ведь его состояние было лучше, галлюцинаций зрительных не было, место он помнил и был тягостен лишь бесконечными повествованиями. Повторять ту же ошибку нам нельзя – правда, Юрик, и без того нервный, а эти вещи сказываются далеко не сейчас, исподволь. У меня-то в этом отношении горький опыт.

Конечно, при таком несчастье денег жалеть нечего, и если бы изоляция стоила и много дороже, то всё-таки её надо сделать. Никакие деньги не *могут* сравняться с психическим воздействием, уж очень оно незаметно всасывается. Но одно скажу, что толкнуть Тебя в место, где нет санаторий, - это от больницы гадость. Они должны бы совет дать, а не сбивать в сторону, где ничего нет.

Бедный, бедный Ты Мисик! Спасибо Фельдману. Пусть и Боря поможет, у него тоже есть некоторый опыт в этих печальных делах.

У меня всё по заведённому порядку. Чувствую, что мне скоро здесь надоест. Порошок заменил клизмой. Посмотрим! Ром. говорит, что клизма менее вредна, чем порошок. Может быть, и Тебе попробовать на ночь.

Сейчас 9 вечера. Собирается гроза. В комнате 20°. Пишите мне почаще. Я так ждал письма!

Теперь займусь вечерними моими делами. Целый день думай о желудке, точно я для желудка, а не он для меня. Обидно. Обо мне здесь заботятся: Садиковы, Пурышевы, докт. Чёрный. Приходят и Власьевы – сущие дети.

Целую Тебя, родная моя и очень люблю Тебя. Где же письма Юр. и Св.? Слава Богу, если бирж. вести не так плохи.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/381, 2 л.

**[18 июня 1913 г.] Павловск.
Письмо Е.И.Рерих к Рериху Н.К.**

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
ИМПЕРАТОРСКОГО
общества

Поощрения Художеств.

С. – Петербург,
Мойка, 83

Вторник

Родной мой Майчик, только вчера вечером получила первое письмо из Кислов. - дороги 2 ½ сут., а письмо идёт 6. Что за курьёз! Чтобы получить ответ, нужно 12 дней! Юрик тебе уже написал? что мы были с ним у доктора, рекомендован опять же <...> друзьями, впрочем? я навела о нём справки в Биржевой больнице, его очень хвалили, - некий Абельман. Он меня успокоил и разрешил остаться в Павловске до Августа, а потом советует съездить в Владикавказ или же Mariakerk - севернее нежели Osten<see>. Продолжаю бывать у Кафталя, пока очень малодеятельно, но никто не унывает, и это хорошо! Они очень усердно сманивали меня переехать в Сестрорецк по дешёвой цене устраивали дачу Гандельман. Решила перевезти маму в Царское в детскую санаторию. Очень уж нас выпирают из больницы, да и мне будет легче ездить, и авось будет маленькое удешевление.

Степа ещё не вернулся. Ремонт пока не начался. Из каких денег мне расплатиться с докторами? Макс сказал, что много не даст, придётся спросить, какой кредит можем иметь, а то не <пульнёт ли> часть бумаг на Московском банке, там счёт не перегружен. Так неприятно тебе об этом писать, а приходится – жаль ведь продавать бумаги - в конце июля, наверно, все поднимутся. Я думаю, не заложить ли мне мои серьги? Уверена, что биржа к осени наладится. Сейчас принесли второе письмо. Меня беспокоит массаж - Часто ли будешь показываться доктору? Какое действие нарзана? Пиши всё подробно.

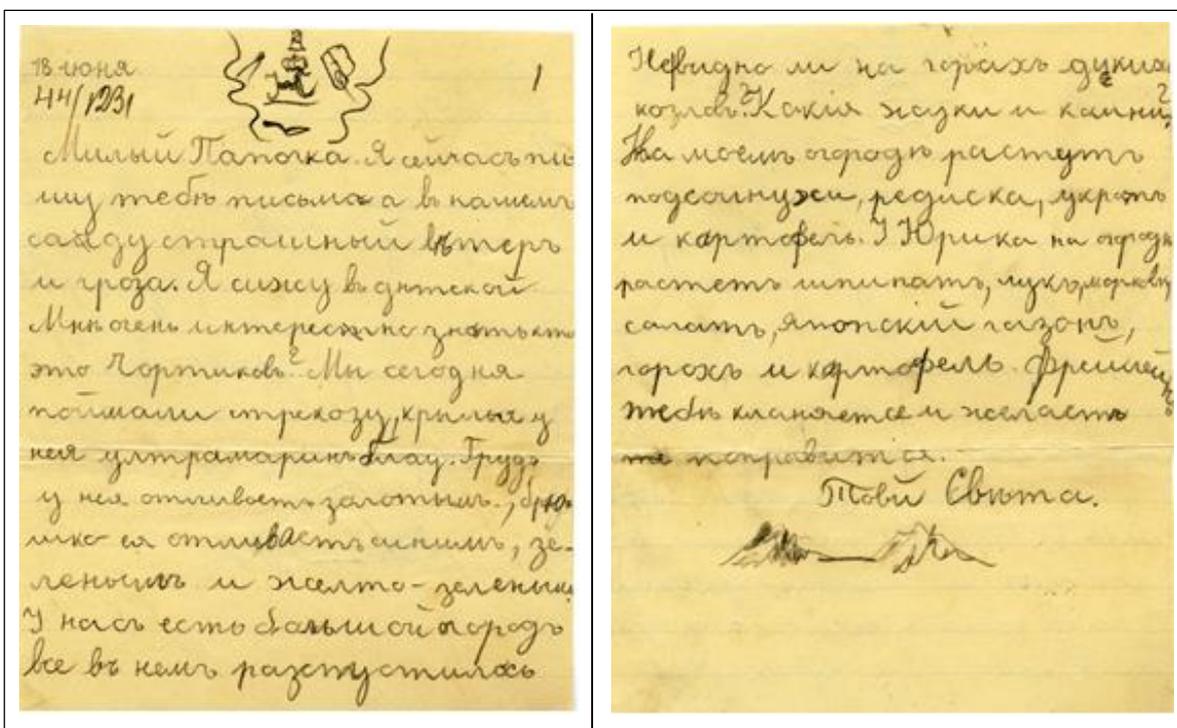
Целую тебя, мой родной, очень, очень тебя люблю, *береги себя!!!!*

Как тебя нашёл доктор?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1208, 2 л

18 июня 1913 г.

Письмо Рериха Святослава к Рериху Н.К.

18 июня

Милый Папочка. Я сейчас пишу тебѣ письмо а въ нашемъ саду страшный вѣтеръ и гроза. Я сижу въ детской. Мнѣ очень интересно знать кто это Чортиковъ? Мы сегодня поймали стрекозу, крылья у нея ультрамаринъ блау. Грудь у нея отлиываетъ золотымъ, брюшко ея отлиываетъ синимъ, зеленымъ и желто-зеленымъ. У насъ есть большой огорождъ все въ немъ распустилось. Невидно ли на горахъ дикихъ козловъ? Какія жуки и камни?

На моемъ огорождѣ растутъ подсолнухи, редиска, укропъ и картофель. У Юрика на огорождѣ растеть шпинатъ, лукъ, морковь, салатъ, японский газонъ, горохъ и картофель. Фрейлина тебѣ кланяется и желаетъ поправится.

Товй Святослава.

Товй Святослава.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1231, 1л.

18 Июня [1913])
Письмо Юрия Рериха к Рериху Н.К.

18 Июня

Милый Папочка, я ездил с мамою к доктору в Питер, туда ехала с нами дама, очень болтливая. Назад же ехал много военных, один генерал старого типа, да несколько гвардейских офицеров, интеллигентной публики совсем не видно, но, должно быть, есть и она.

Эти дни у меня было 37,4 и 31,1. Доктор, которому мы ездили, дал мне две шоколадки. Он меня называл Стёпкой и Петькой, а маму он принял за мою тётку и говорил маме, что ей 25 лет. Мы ходили рисовать крепость. К нам приходили шарманщики и китаец, который продовал шелк. Мой огород уже цветет, только картофель плоховат. У меня в кабинете стоит цветок на окне. Доктор сказал, чтобы я раз в день только мясо.

Какие горы ты видишь из пансиона? Какая у вас погода? Нашу комнату обклеили белыми обоями.

У нас ночевал дядя Боря. Дядя Степа еще не приезжал.

Целую тебя крепко, жду ответа твой

Юрик.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1237, 1 л.

«Мы ходили рисовать крепость....»

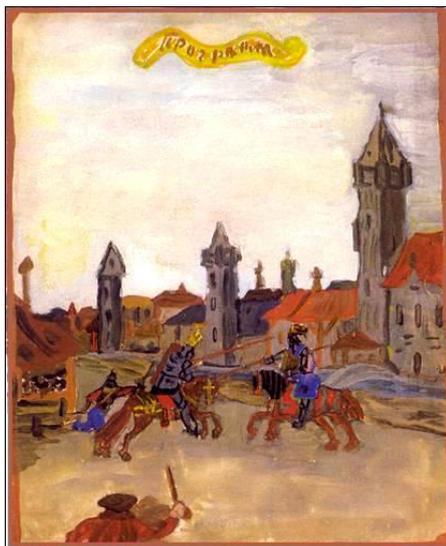

Рисунок Юрия Рерих. Рыцарский турнир. 1910-е.

19 июня 1913 г. Кисловодск
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Е.И.

Среда.

Родной мой Мисик, сегодня неделя, как я тут. Всё хочется верить, что режим Романовского полезен. Массаж, хотя и чувствительный, но после него болей нет, наоборот – легко. Ванны, конечно, ничего не могут сделать, ещё рано. Говорят, их польза – через месяц, через два. Клизма вечером, пожалуй, удобнее, чем порошок. И маленькая клизма в 3 стакана даст только толчок. Словом,

чувствую себя хорошо. Очень загорел, что всеми замечается. Любезно разговариваю с Саковским и с Солнцевым – всё-таки учителя Мая.

Совсем нет потребности к мясу. Утром молоко, простокваша. Обед овощи, молоко. Пожалуй, этак к мясу и не вернёшься. Очень меня подмывает потом проехать по Военно-Груз. дороге – всего 32 часа, но там автомобили, и без Тебя не поеду. Работать не начинаю. Пусть организм попривыкнет к режиму.

Первые дни моча была очень красная, а теперь очень светлая. Значит, к жаре и ходьбе приспособился. Из прогулок подальше остаётся Джемал – как-нибудь с Власьевыми побываем. Они так в глаза и смотрят, кажется, хоть ночью его вызови, так побежит. Садиковы всё вспоминают времена гимназические.

Сегодня только биржа не порадовала. Как посмотрел: Ник[ополь] 290 и пр. – ведь неважно. А когда дивидент Кыштыма? Пожалуй, посоветуют его взять теперь?

Посылаю квитанцию на ковры. Это были лучшие, а то сразу 150-200 р. Один персидский Ширазский, а другой Сумах.

Купил Тебе ещё браслет из раскопок, но это уже Тебе в витринку. Серебряный, хорошей работы. Больше нечего купить. По квитанции все уплочено.

А ребятам уже и не знаю, что привезти: бабочек и камней нет. Ножи уже есть, а потом кавказские и опасны. Как Ты думаешь?

Пиши, мой родной, как у Тебя всё? На чём решаешь после Биржевой больницы? Господи, то, что случилось хуже всего. Но, конечно, это не вдруг. Я рассказывал Саковскому, он говорит, что операция могла дать толчок на уже готовый склероз мозга. Верно, виновата неподвижность, жир; этого надо очень опасаться. У нас-то, положим, кажется, опасности особой жировой нет. Я был очень доволен, когда Романовский измерил сердце и сказал, что склероз пока не грозит. В Понедельник пойду к Ром. – это будет 10 дней порошокам.

Всё-таки и Тебе здесь было бы хорошо; массаж и ванны, может быть, Твой желудок настроили бы.

Ну, пока до свиданья. Пошлю пораньше – потому заказное. За все 10 дней отъезда только одно Твоё письмо и получил. Пусть и ребята пишут и подлиннее. И Ты пиши.

Целую Тебя, моя родная, хорошая, любимая.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/444. 2 л.

20 июня 1913 г. СПб.

Хроника

Письмо в редакцию

М. г., г. редактор.

Не откажите поместить в вашем уважаемом органе нижеследующее: В заметке, помещённой в газете «День» от 14-го июня за № 157, озаглавленной «Скандал на Архитектурных курсах», курсы эти, принадлежащие Е. Ф. Багаевой, названы средне-учебным заведением. Заявляем поэтому, что с переходом курсов в Министерство торговли и промышленности программа их осталась без изменений: принимаются лица с аттестатом об окончании средних учебных заведений, из чего следует, что курсы никоим образом не могут быть причисляемыми к среднему учебному заведению. В настоящее время директором курсов и заведующим худож. отделами утверждены: академик Ник. Конс. Рерих и акад.-архитектор худож. Вл. Ал. Шуко. Преподавателями

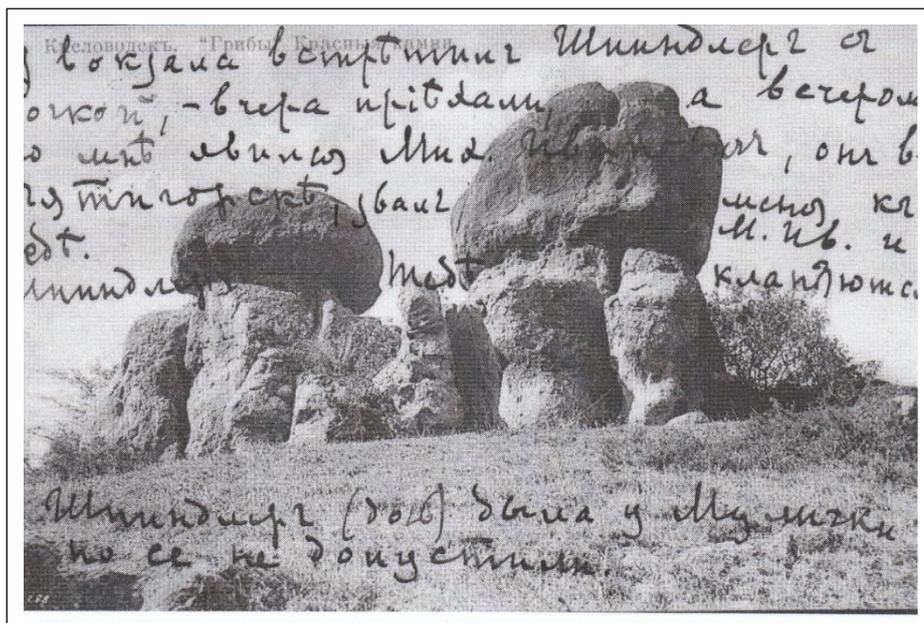
состоят: архитектор-худож. М. С. Ляевич, архитектор-художник Ник. Евг. Лансере, арх. Вайтенс; художники: кн. Шервашидзе, Б. К. Рерих, Чемберс; гражд. инж. Ал. Ив. Виксель, С. В. Банике; проф. Н. М. Малиев, В. Н. Адрианов, С. Г. Якобсон и другие.

Учред. курсов Е. Багаева и Л. Молас

День. 1913.20 июня. № 162. С. 6.

[21 Июня 1913 г. Кисловодск]

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Открытка с ч/б фото: Кисловодск. «Грибы» Красные камни.

Петербург.
Павловск. Мариинская, 3
Её высокородию
Елене Ивановне Рерих

Даты по штемпелю: 21. 06. 1913 – в Кисловодске; 25. 06. 1913. - в Павловске.

Четверг.

Была гроза и сильный ливень. Речка так и шумит. Начал маленькую картинку «Показали царю границу царства».

Чувствую себя не худо – перед грозой тяжеловато было. Опять на 2½ ф. вес прибавил. Как у Тебя все?

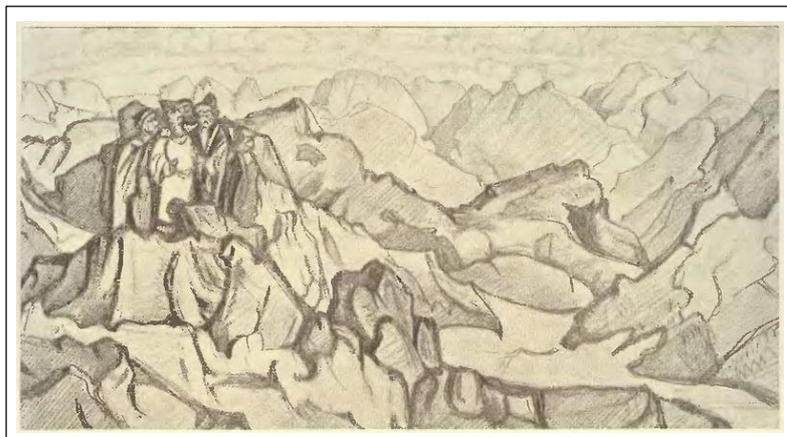
Написано поверх фото:

У вокзала встретил Шиндлер с дочкой, - вчера приехали, а вечером ко мне явился Мих. Иванович, он в Пятигорске, звал меня к себе. М. Ив. и Шиндлер Тебе кланяются.

Шиндлер (дочь) была у Мулички, но её не допустили.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/337. 1 л.

«Была гроза и сильный ливень. Речка так и шумит. Начал маленькую картинку «Показали царю границу царства»...»

Н.К. Рерих. Граница царства. 1910-е. Эскиз композиции к картине.

**[21 июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
ИМПЕРАТОРСКОГО
общества
Поощрения Художеств.

Пятница вечер

—
С. – Петербург
Мойка, 83

Родная моя Ладушка, как Ты там живёшь-то? Странно подумать, что и как Ты там справляешься.

Сегодня от 3 до 7 был со Шпиндлершами; ездили на Лермонтовскую скалу. Она тоже предостерегает, чтобы Ты не слишком долго и хоть не каждый день ездила бы в больницу, всё говорит, что у Тебя своя семья есть и расстроить здоровье – ведь ужасно. Сама Шпиндлер всё боится окончить склерозом и просила дочку, чтобы в случае болезни её тотчас же пристраивали на Удельную. Сегодня должно было быть Твоё письмо и не было!

Завтра сделаю ещё исследование, чтобы в Понедельник снести Романовскому. Чувствую себя хорошо, но не убавил вес, это меня огорчает, всё 5 п[удов] 27 зол[отников]. Мало люблю я всё-таки гостиницу, общие обеды – как-то лета нет совсем, а потом, прежде чем дойдёшь до пустых гор, мимо столько рож, мимо столько генералов пройти надо, просто беда. Публика наезжает и всё средняя, плохая публика. Вот и весь мой день.

Сейчас 9 ½ ч. Я уже справил все мои дневные дела и вечерние занятия и буду ложиться спать. У Тебя сейчас 8 ½ ч. Верно, дети спать ложатся. Перешла ли Ты спать к ним?

Сегодня, судя по газетам, биржа опять плоха. М. Ив. говорил, что он купил Кавк. нефть по 65 р. и продал по 300 р., чем покрыл проигрыш на других бумагах.

Сейчас подали письмо от Лидиньки; пишет что у них всё время дожди. Видимо, не очень нравится там.

Если бы Ты здесь была, мы съездили бы по Воен. грузин. дороге и Тебе массаж бы сделали здесь – было бы полезно. А что волосы? Лучше ли?

Ну, покойной ночи! Хочется, чтобы Ром. скорей отпустил отсюда. В Понедельник уже запишусь на билет.

Крепко Тебя целую; пусть как-нибудь полегчает Тебе. Очень жду писем.

Прислали ли Теньера из Кёльна? Нравится ли? Начал ли Боря переделки?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/379, 2 л.

[21 июня 1913 г. Павловск]

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

Пятница

Дорогой, славный Майчик!

Мне очень больно, что приходится тебя расстроить - дело в том, что не знаю, откуда взять деньги, чтоб расплатиться с докторами и всем больничным персоналом. Макс выдал мне 500 и больше не хочет давать, говорит, что счёт перегружен. В Московск. банке я взяла 700, да у меня ещё было 500 р., но всего этого мало. 600 отдано за дачу, 450 за маму и 450 мой костюм и сапожн. счёт, остальные деньги пошли на наше житьё и мои нужды.

Для удешевления решила взять маму к нам и, если возможно, то сократить одну сестру - будем дежурить по очереди. Дней через 10 можно будет обходиться без доктора, а пока будет ездить через 2 дня.

Расплата с докторами предстоит во вторник, либо в среду, откуда я возьму деньги - не знаю. Заложу серьги, за них дадут <800> рублей, но и этого не хватит. Пожалуй, прибавлю кулон, дадут ещё 200. А дальше на что существовать? Биржа очень плоха, ничего нельзя трогать. Потребовать разве перевести часть акций на Москов. банк, может быть, тогда Макс и даст без всяких фокусов и предпосылок. Он говорит, что если мне очень нужно, что он мне, конечно, даст, но тогда надо будет что-нибудь предпринять. Я ужасно боюсь, как бы они нас совсем не запутали. Что я переменяла Лесснера на 30 Барановских - не жалею: Лесснер 315 и Барановские всё же держатся 242- 44.

Мамина болезнь нас совсем запутала! Да Зарубин требует 300 рублей за картину из Кёльна. Я не знаю что делать! Все только требуют.

На себя я немного истратила. Ни одного платья себе не сделала, только 3 кофточки и 2 костюма. Верчусь, как белка в колесе, не имею совсем свободного времени. Эти дни почти каждый день бывала в Питере – разузнавала, где лучше и дешевле поместить маму — выходит, что дома много выгоднее.

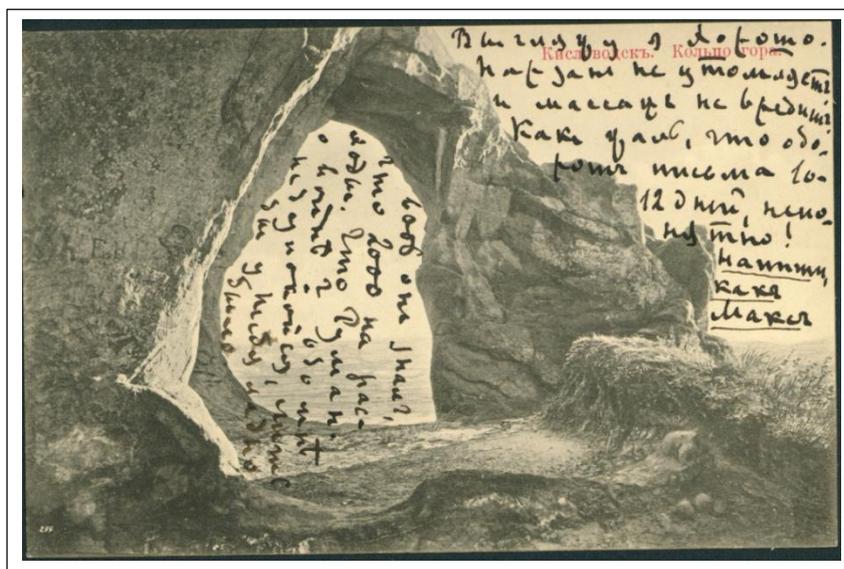
Милый милый майчик, как я устала физически и нравственно. Ведь никого кругом, кто бы мог помочь, посоветовать. Тебе тоже нельзя себе ни в чём отказывать, плохое лечение, если лишать себя комфорта.

Я долго не хотела писать, откладывала до последнего момента, и то, пожалуй, твой ответ запоздает.

Целую тебя, не очень огорчайся, авось, это переходное время скоро окончится.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1216, 2 л.

22 июня 1913 г. Кисловодск
Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

Открытое письмо с ч/б фото: Кисловодск. Кольцо-гора.

Петербург.
Павловск. Мариинская, 3
Её высокородию
Елене Ивановне Рерих

Суббота. вечер.

Сейчас получил 3 письма Твоё, Юр. и Св.

Максу я перевел 2000 р. из Моск. *на расходы*. Из Моск. можно взять ещё 700, тогда останется своб. там 5000, можно туда хоть Ник[ополь] перевести.

Что это с Юриком? Всё меня беспокоит.

Выгляжу я хорошо. Нарзан не утомляет и массаж не вредит. Как жаль, что оборот письма 10-12 дней, непонятно!

Напиши, как Макс, ведь он знал, что 2000 на расходы. Что Руман[ов] о войне? Обо мне не беспокойся, лишь бы у Тебя ладно было.

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/443, 1 л.

[22 июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Родной мой Мисик, Твоё письмо меня очень взволновало. Посылаю ещё бланк на Никополь; если 20 Донецких скажут тяжело, то 10 Никополь всегда можно. Хотя думаю, что и 20 Донецких возможно, тогда все 70 Донецких вместе будут. Но Макса я предупредил, что 2000 р. я кладу на расходы Тебе. Ведь ещё 1000 в бумаге ему донесли. Взял ли он выпуск Мальцевских? Может быть, продать что-ниб.? Неужели они там радужно на Июль смотрят, а война-то?

Берут ли Муличку в детскую санаторию?

Так у нас нехудо было с деньгами и вдруг такая оказия! Просто хоть уезжай, а тут ещё Юрик. Ладно ли что в Павловск забрались? Конечно, осенью-то

будут полочки денег, а вот теперь- то как? Впрочем, поеду через Москву, попрошу, может быть, инженеры дадут что-нибудь в задаток.

Вот какие дела! А тут сиди и трать только деньги и бездействуй почти что. Ведь раньше месяца Романовский меня, наверно, не выпустит. И Тебе-то помочь не могу.

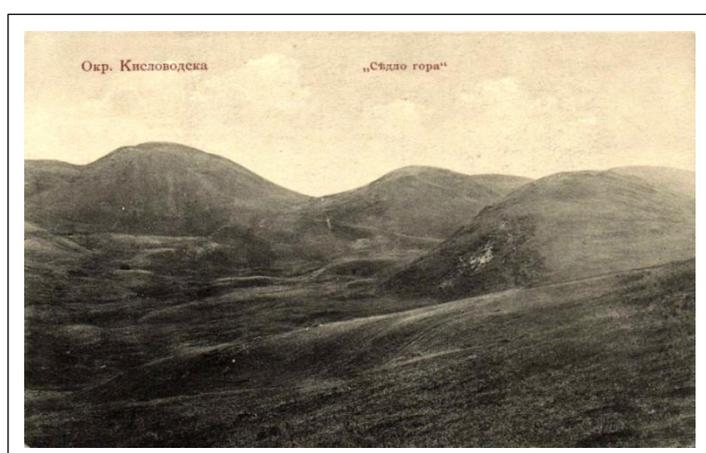
Весь день собиралась гроза – верно, ночью будет.

Такой Ты мой славненький – такой бедный. Разные времена бывают.

Воскресенье: Исследование лучше, чем было. Единственно индикана больше, завтра покажу Романовскому, может быть, он выходит из организма.

Целую, люблю, вспоминаю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/378, 1 л.

Окр. Кисловодска. «Седло-гора».
(Старая открытка)

[23, 24 июня. 1913. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рерих к Рерих Е.И.

Родная моя Ладушка, сейчас послал Тебе телеграмму. Что и как Ты устроила? Удивляюсь, что война идёт, а биржа, хоть и плоха, но не падает совсем.

Как я и писал Тебе сегодня днём, в исследовании только много индикана, а всё остальное хорошо. Завтра припишу заключение Ром.

Сегодня я ездил с Власьевыми на медовый водопад. Водопад – пиковый, но езда по степи, среди трав и цветов приятна. Воздух-то хорош! Тебе этот воздух понравился бы. Загораешь от него. Потом всё лицо горит и спать хочется.

Власьевы – недалёкие, но очень милые люди; сестра его замужем за сыном Деларова.

Как Юрик теперь?

Сейчас был у Ром. Он очень доволен, указывает, что нервность меньше, что удельн. вес мочи вместо 1032 – 1024, что значительно лучше. Хотя он и не позволил ещё брать билеты, но я всё-таки возьму на 15-17 Июля. Это уже месяц будет. Велел ходить на синие камни – там большая эманация радия. Если у галереи Нарзана эманация 2, то у красных камней 4, а на синих 9 – больше чем

где бы то ни было. Залежи радия на Эльбрусе, но никто не разрабатывает из-за дороги.

Я все думаю, что Тебе здесь было бы хорошо. Так хотелось бы с Тобой здесь побродить, поговорить. Эссенуки отменил, оставил один Смирновский.

Сказал, что организм поддаётся лечению, а то удельный вес 32 уже «под сахар» был. Значит, тут Слава Богу. Советовал сходить к д-ру Малютину поделаться ингаляции против простуд и ангин.

Видно, работать здесь почти не придётся, но зато пусть уж лечат вовсю. Позволил через день одно рыбное или птичье блюдо. Прописал ещё массаж прыщиков на затылке, это нервного происхождения, от застоя нервных центров на шее. Это говорит, мы специалисты, - разгоним.

Видал Шпиндлер. Она говорит, как разно сказало отношение сестёр к Муличке – тётя Дуня, совсем не реагирует, тётя Людя тоже, одна толь[ко] тётя Стася ещё ближе оказалась. Послезавтра зовут ехать на Седло гору – я уже был там, но отказать неудобно, придётся ехать. Положим, воздух там превосходный и, верно, масса радия.

Жду Твоё письмо и что именно Ты устроила, так и не знаю; в письмах было и о Муличке, и о бирже, и о деньгах, и о Юрике. Одно понимаю, что что-то хорошо устроилось. И то хорошо!

Милый мой, славный Мисик, как Твоё-то здоровье? Как себя чувствуешь?

Напиши, а я Тебя целую и вспоминаю всегда.

Как Фрейлен, помогает ли?

Что Боря, Руманов?

Ребят поцелуй.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/414. 2 л.

Павловский дворец. (Старая открытка)

[23 июня 1913 г. Павловск]

Письмо Е.И. Рерих к Н.К. Рериху

Воскресенье

Дорогой мой родной Майчик!

Рада, что у тебя вс хорошо! Думаю, что ты подчинишься надолго. Мне всегда казалось, что нужно начинать с желудка.

Биржей тоже не волнуйся, Рушанов звонил Давыдову, и тот советовал держать товар, сам он купил Рыбинских. Он меня, оказывается, прекрасно

помнит и, по словам Руманова, массу комплиментов по моему адресу и, между прочим, просил Руманова сообщить мне его служебный телефон, на тот случай, если бы меня стали притеснять у Кафталя. Он тогда нажмёт кнопку и меня сейчас же оставят в покое.

Сейчас 1 час ночи, я безумно устала. Все эти дни уезжаю в 9 ½ и возвращаюсь в 10 вечера. Во вторник перевожу маму к нам. Необходимо это стало, чтобы сократить расходы и мне отдохнуть. Я измучилась! Сегодня нашла санитаря за 60 р. в месяц. Сокращу одну сестру - всё будет легче. Завтра еду хлопотать о санитарном вагоне, говорят, что это будет стоить 3 либо 4 руб. это недорого.

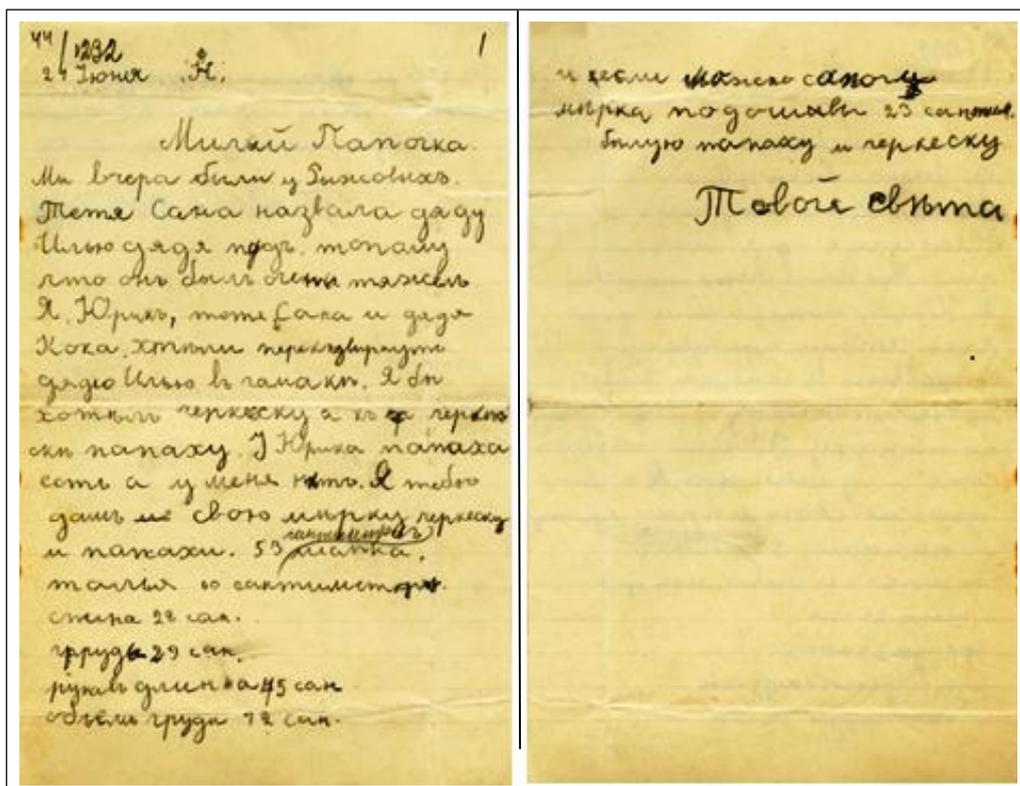
Жить в Павловске дороже, нежели в Петербурге.

Ну, целую тебя, мой родной, без конца, У меня тоже режим, от которого здорово худеешь! Макс выдал мне 1000 руб на докторов.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1210, 1 л.

24 июня 1913 г. Павловск.

Письмо Святослава Рериха к Рериху Н.К.

24 июня

Милый Папочка.

Мы вчера были у Рыжовыхъ. Тётя Сана назвала дядю Илью дядя пудъ топаму что онъ былъ очень тяжелъ. Я, Юрикъ, тётя Сана и дядя Кока хотѣли перекувырнуть дядю Илью в гамакъ. Я бы хотѣлъ черкеску а к черкѣсске папаху. У Юрика папаха есть а у меня нѣтъ. Я тебѣ дамъ свою мѣрку черкески и папахи.

53 сантиметров шапка
таля 60 сантиметров
спина 28 сан.
грудь 29 сан.
Рукавъ длинна 45 сан.
Объемъ груди 72 сан.
и если можно сапоги мѣрка подошвы 23 сантим. белую папаху и черкеску.

Товой Света.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1232, 1 л.

Юрик и Света. 1911 г.

Письмо Юрия Рериха к Рериху Н.К. (24 Июня [1913 г.]

24 Июня

Милый папочка.

Как ты поживаешь? Где ты гулял? Вчера был у нас дядя Боря, я с ним играл в теннис, он нам поставил сетку. Мы были у Рыжиков. Дядя Илья спрашивал меня о войне с турками и Наполеоном. Потом ещё спрашивал формы русской армии. Я в некоторых наврал, а зато он не занял форт русских солдат 12-го года.

Погода у нас хорошая, но был и дождик. Мама говорила, что ты не знаешь, что купить, Я бы хотел очень иметь черкеску без папахи, но с кинжалом и кушаком, и сапогами.

Моя мерка

Объем груди	76 сант.
талия -	66 сант.
спина ширина	32 сант.
ширина груди	30 сант.
длина рукава	48 сант.
мерка сапога моего.	
длина подметки	25 сант.
ширина подметки	24 сант.
ширина икры	27 сант.

Целую тебя крепко, желаю поправиться,

твой Юша.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1238, 1 л

Юрий Рерих среди участников первого в России скаутского отряда.³
Павловск. Лето 1913 г.

24 июня [1913 г.]

Письмо А.П. Иванова к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович,
Простите, что долго оставлял Вас без вестей. Корректуры I-й главы у меня ещё нет. Грабарь по получении рукописи тотчас отвечал мне, что он её отдал <ремингтонировать>. Затем явился в Петербург сам, и прошлую субботу мы с ним, наконец, свиделись. Однако корректуры, ни печатной, ни ремингтонированной, он с собою не привёз. Он клянется, что, если в течение лета статья не будет напечатана, печатанье придётся отложить чуть не на год. Это прямо ужасно! Я был убеждён, что вторую закончу дней через 10 после первой, а

³ Юрий Рерих в третьем ряду снизу, 5-й справа в белой панамке. – Ред.

между тем все эти дни промучился зубами, с которыми ещё до сих пор окончательно не развязался, несмотря на лечение и пломбирование.

С 7-го или 10 Июля меня гонят в отпуск, и поэтому служебными делами приходится заниматься даже по вечерам, таская их домой. Вторую главу я, тем не менее, скоро окончу (она будет также радикально изменена, как и первая). Однако, сколько бы я ни написал за лето, мне нечего от себя скрывать, что всего я не успею окончить. Поэтому слова Грабаря ужасно меня угнетают.

Остаётся надежда, во-первых, на отпуск, во вторых, на то, что Грабарь всё-таки наверняка преувеличивает. Первую главу он весьма одобряет, находит, что "очень интересно".

В среду я опять его увижу, - он просил меня захватить с собою и находящиеся у меня оттиски с картин, чтобы "обсудить, что печатать, что выбросить или принять". Тут я окончательно попадаю в тупик, и намерен совершенно от этого отстраниться; по-моему единственным судьёю в этом случае являетесь Вы. Беда не в том, что большинство этих оттисков не нравятся мне, а в том, что сам Грабарь, как кажется, ими не доволен. В субботу наше свидание было очень коротким и многого я ему не успел сказать, но в среду в первую голову возбужу вопрос о снимках с вещей, ещё нам не репродуцированных, и о клише «Золотого Руна». Спрошу также насчёт корректуры.

Как подвигается Ваше лечение, и как Вы вообще себя чувствуете в Кисловодске? На днях я встретил на вокзале Елену Ивановну, и она передавала мне, будто Вы собираетесь оттуда удрать. При всём сочувствии к Вам и личном обращении к курортам, не могу, как Ваш биограф, не скорбеть о таком Вашем малодушии.

О себе скажу, что чувствую себя довольно скверно, устал, истрепался и жду с нетерпением отпуска. Должно быть, мы с женой поедем за границу, но перед этим недельки две хочу пожить под <Тор...> ; надеюсь, что буду работать там более плодотворно, чем здесь.

Ваш АИванов

После свидания с Грабарем, напишу Вам.

24/VI

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/813, 2 л.

**[25-26 июня 1913. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих**

Родная моя Ладушка, был я сегодня у Малютина по горлу, а он опять примерился операцию делать в носу и в горле. Как ты думаешь? Я думаю, здесь одному не делать. Пока будут делать ингаляции и массаж желез. Сегодня был первый массаж шеи. Массажист нашёл много узлов застоя, всё это тоже довольно чувствительно, но зато я думаю, что хорошо. А то потом и голова должна была тяжелеть. Это разгонит. Массаж кишок теперь гораздо менее чувствителен. Насчёт операции горла дай телеграмму, делать или нет?

Очень меня встревожила и биржа. Мальцев 327? Что же это такое? Что говорят-то? Ведь тут мы ничего не знаем, кроме старых уже газет.

В телеграмме прибавь два слова, страшно ли положение? Зарубин прислал открытку. Пишет со слов Бори, что паника. Так ли?

Сейчас получил Твоё письмо. Очень взволновался. Ведь говорил же я Макс, что 2000 только на расходы. Послал Тебе телеграмму о переводе Ник. или Дон. в Московский Банк, если только тогда Макс даст. Ведь мы-то всё хотели уменьшить счёт, а он всё набавлял. Зарубину я писал, чтобы он платил в счёт жалованья, так как Чириков внесёт 200-300 р.

Положительно, не советую помещать Муличку дома. Даже не представляю, как Ты изолируешь. Отчего детская санатория отложена? Или не берут? Что Боря, что он говорит? Ведь Ты там измучаешься. Я, верно, не высижу здесь. Сидеть здесь и будто «отдыхать», зная, что Тебе я необходим. Ужасно. Милый мой, родной Мисик! Что бы такое сделать? Какая свинья Макс! Не может подождать месяц. Ведь так и сказано ему, что 2000 Тебе на расход, а не в обеспечение. Мне-то, конечно, денег хватит, считая 300 р., которые мне выслал Моск. Банк.

Для дежурств оставь двух сестёр, *не вздумай* сама дежурить. Здоровье важнее всех денег. А вред таких дежурств непоправим – все это говорят и нельзя не слушать.

Пожалей себя Ладушка, моя. Если не получу письма, как Ты всё устроила, хоть телеграфируй. Спроси Руманова, он всё-таки по человечеству говорит.

Обнимаю Тебя крепко, крепко. Извести меня.

Садиковы советуют здесь горло не трогать, а то хуже растревожат, пожалуйста, и правда.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/252, 2 л.

[26 Июня 1913 г. Павловск]

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

Среда

Родной мой Майчик, вчера перевезли Муличку. Везли мы её в санитарном вагоне - очень удобно и дёшево, за весь проезд заплатила 3 руб 75 коп. От вокзала ехали в автомобиле - это была ошибка, нужно было взять просто извозчика, нас так бросало во все стороны, что мы головами ударялись. Всю дорогу она очень страдала, места себе не находила.

Но зато, как она была счастлива, когда мы добрались до дому! Если бы ты видел этот восторг! Она так наслаждалась, так всем восторгалась, и в то же время рыдала ужасно, что ей приходится умирать, уходить от нас, от нашего счастья. Тяжело было смотреть!

Сегодня ей бедняге не повезло. Я уехала наводить справки о местных докторам, и в моё отсутствие сестра, воспользовалась приходом Mlle Maria, ушла наверх, оставив двух инвалидов одних. Мамочка сидела в кресле. Mlle Maria, желая ей услужить, стала поправлять подушку под ногами, - каким-то образом мама потеряла равновесие и упала. Крик был ужасный, все собрались - обе старушки на полу валяются. После этого падения ноги ещё больше отекли и боли усилились. Пришлось позвать доктора Дабаева. Он нашёл сильный артериосклероз и думает даже, не от спинного ли мозга все эти явления. Мало утешительно. Эти два дня она сравнительно мало говорит глупостей. Галлюцинаций тоже пока нет.

Как у меня глаза слипаются. Сейчас 1 ч. ночи, и я страшно устаю за день. Ночью к ней я буду ходить. Наверху ничего не слышно. Детки здоровы, куша-

ют и спят хорошо. Температура у Юсика сносная. Думаю, что мама тебя очень беспокоить не будет. Зимой её придётся поместить в лечебницу.

Сейчас клюнула носом.

Ну, прощай мой милый, славный Майчик. Береги себя для нас. Когда тебя отпустит Романовский?

Скоро уже 3 недели, как ты в отсутствии.

Целую тебя, одно удовольствие - твои письма.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1211, 2 л.

26 июня 1913 г. СПб.

Письмо Владимира Александровича Фролова к Рериху Н.К.

С. Петербург. 26. VI. 913.

Дорогой Николай Константинович!

На днях был в Москве и показал твой эскиз для памятника Архипа Ивановича А.В. Щусеву, как автору проекта памятника – Алексей Викторович принципиально выразил своё одобрение, как идее так и передаче её в твоём эскизе, но боится, что несколько крупный масштаб листьев на дереве, будет резок рядом со скульптурой на фронтоне памятника; а потом, рекомендовал, твой эскиз исполнить в модели памятника, кот. у нас имеется, и тогда решить совместно с тобой этот вопрос. Уменьшенную копию с твоего эскиза я и сделаю в модели. Полагаю, что ты ничего против иметь не будешь.

Теперь вопрос о Талашкине, я узнал, что ты этим летом не поедешь туда, а как полагаешь о моих работах, посылать мне туда мастера, закончить работы или отложить до твоей туда поездки? Отпиши твоё, по сему делу, мнение.

Желаю тебе отдохнуть при благоприятных условиях. Если супруга опять с тобой, мой нижайший ей привет.

Твой Володя

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/666, 2 л.

27 июня 1913 г. Париж

Осенний салон в Париже

При Осеннем салоне в Париже устраивается специальный отдел русского народного искусства, на котором будут выставлены вышивки, иконы, игрушки, набойки, пряничные доски и т. п. Отдел устраивается при участии Н. К. Рериха, бар. Н. Н. Врангеля, Г. К. Лукомского и др. В выставке примут участие крупные коллекционеры, как: кн. Аргутинский-Долгоруков, В. В. фон Мекк, г-жа Шнейдер, княгиня Яшвилъ, г. Ханенко, Билибин, Оршанский, Галленбек и др. Представлены будут также и московский и тамбовский кустарные музеи, О-во изучения русского Севера и Импер. школа поощрения художеств.

Устроители отдела производят энергичные поиски интересных предметов народного искусства, не вошедших в известные коллекции и хранящихся в неизвестности на местах.

Журнал за 7 дней. 1913. 27 июня. №21. С. 466.

27 июня 1913 г. СПб.

Николай Рерих

Дедушка

«**П**ойдём к дедушке». Бежит весёлая детвора вниз по лестнице. Минуем диванную и угловую. Пробегаем библиотекой по тонко скрипучему полу.

Старый Фёдор впускает в высокую тёмную дверь дедушкина кабинета. Всё у дедушки особенное.

Нравятся нам кресла с драконами. Вот бы нам такие в детскую! Хороши у дедушки часы с длинной музыкой. В шкапах с разноцветными стёклами книги с золотыми корешками. Висят чёрные картины. Одна, кажется нам, давно висит вверх ногами, но дедушка не любит, чтобы у него что-либо трогали.

Много приятных вещей у дедушки. Красный стол можно вывернуть на десять фигур. Можно перебрать цветные чубуки в высокой стойке. Можно потрогать масонские знаки (не даёт надевать) и ширмы со смешными силуэтами.

А когда дедушка бывает добрый и нога у него не болит, он откроет правый ящик стола.

Тут уж без конца всяких занятных вещей.

А сам-то дедушка какой миленький! Беленький, беленький! В «гусарском» халатике.

Полюбили мы бегать к дедушке после всяких занятий.

Рады мы дедушке.

Другое.

«Дедушка к себе велят идти».

Сердитый дедушка. Высокий, серый такой, колючий. Не угадать по нему сделать. Всё-то он лучше всех знает. Всё, что было при нём, лучше всего. Всё должно быть так, а не иначе. Ругает и всё что-то требует.

«Иван, скажи дедушке, что мы гулять ушли».

Вернёмся - там и обедать пора. Лучше завтра к нему ходим.

Всё равно ругать будет.

Всё хорошо, пока люб нам дедов кабинет. Пока дед для нас — милый и белый.

Но когда серый, жёсткий дед заслонит нашу живую жизнь, крепкую только будущим, - тогда плохо. Тогда пропал дедов кабинет. Как бы его потихоньку и не нарушили опять.

О почитании старины я говорил больше других, но и боюсь за него.

Когда окружится старина всеобщим признанием. Когда укрепится старина всякими строгими запретами. Когда из милой, даже гонимой, старина возвеличится и властно потребует покорности, - тогда неугомонное, бурливое будущее может дать сильный отпор. После спасения старины и умиления ею как бы не почувствовалось утомление и, чего Бог упаси, не усомнились бы в будущем современного творчества.

Покуда дед - не запрет и отрицание, а благоуханная минута милой, мудрой старины, до тех пор мы бежим к нему. Но как только около дедова кабинета раздадутся запрещения, отрицания, угрозы, - тогда как бы молодое не ушло гулять. Скажут: нам будущее дороже. Ещё недавно мы могли кричать:

«Грех, смертный грех прикоснуться к дедову кабинету. Грех переставить там по своему неразумению. Грех не стремиться в милый кабинет белого, мудрого деда».

И правда, теперь около старины, во славу её, жизнь наполняется запретами и угрозами. Так в новых законах о сохранении старины предусмотрены всякие кары за нарушение старины, но нет никакой награды за работу о ней.

Конечно, и грозить иногда приходится, но строить какую-либо жизнь на запретах и грозе нельзя, и я чувствую, что, смотря на будущее, пора сказать: «Пусть дедов кабинет останется самым милым, самым любимым местом в доме. Пусть дед не стесняет молодую жизнь. Пусть в лучшие минуты мы стремимся к деду. Пусть дедовы законы лягут в основу, но лишь в основу строения будущего».

Летом лишний раз о мудрой старине подумайте.

Русское слово (Москва). 1913. 27 июня/10 июля. № 147. С. 2.

28 июня 1913 г.

Письмо Лидии Константиновны Рерих к Рериху Н.К.

Дорогой Коля, мама благодарит Тебя за письмо, она очень довольна, что Тебе хорошо в Кисловодске и погода хорошая – это очень способствует успешному лечению.

У нас по-прежнему льют дожди, и только на прошлой неделе было дня три жарких, настоящих летних. Так досадно, что никуда не поехать нельзя, а места тут красивые.

Получив Твоё письмо, с извещением о хорошей погоде, мама надумала было поехать отсюда в Кисловодск. Отсюда есть прямой поезд на Минеральные воды, так что в этом отношении удобно. Но мы решили узнать раньше у Тебя, есть ли там у Ганешина свободные комнаты, и хорошо ли там кормят.

Узнай, пожалуйста, возьмётся ли Анастасия Дмитриевна готовить маме кушанья по заказу – т.е., бульон, цыплёнка, кашу. Если это можно устроить, то мы (я с мамой), может быть, приедем после 15 Июля, недели на две, или на три. Напиши, до которого числа Ты останешься там.

Что-то пишут Тебе из дома, как дети и Елена Ивановна живут на даче? Как здоровье Екатерины Васильевны, как её состояние?

Как проходит Твоё лечение? Как действует Нарзан на Тебя? Выезжал ли ты на прогулки в окрестности. Там есть какие-то курганы около Рым-горы, видел ли Ты их, или что новое нашёл?

На прошлой неделе ездили мы – т.е., Саша, Лида и я в Одессу на 2 дня; по-видались там с Марией Гавриловной и вместе с ней осматривали город. Нам всем Одесса очень понравилась, она имеет столичный, нарядный вид.

В Тимановке⁴ мы больше сидим дома, работаем или варим варенье... Здесь масса ягод и черешен. здоровье мамы теперь хорошо. Со стороны жёлудка никаких неприятностей нет. Иногда болит голова перед грозой, но это ведь у всех бывает.

⁴ Тимановка. Тульчинский район, Винницкая область, Украина – ред.

Рассказала Тебе о нашем житье, бытѣ, теперь Ты расскажи о себе.
Мы все целуем Тебя.

Твоя Лиля.

19 28/VI 13.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1225, 2 л.

28 июня 1913 г. Талашкино
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху.

28 Июня 1913 г.
Талашкино.

Добрейший Николай Константинович,

Слава Богу, что вы нашли наконец настоящее место где развеетесь с вашими недугами и вернётесь на поле брани бодрым и здоровым. Из прилагаемых двух копий вы будете в состоянии судить, что пришлось мне пережить в Москве куда я поехала с самыми мирными чувствами. Глоба обошёлся со мной возмутительно, и если бы у меня был защитник, ему следовало бы дать хороший урок. Когда он довёл меня до полного отчаяния и в конце концов вынул, мне даже никто не вызвался помочь вынести образ, который весит, как вы знаете, 13 фунтов с футляром. Я как приговорённая вышла, унося его с собой с трудом держа в одной руке, а в другой, имея веер, платок носовой, перчатку и злополучную бумагу, пригласившую меня явиться в Оружейную палату, где для Государя была устроена выставка работ Строгановского училища.

Но всего описать невозможно, когда-нибудь при свидании расскажу вам всё, что пришлось перечувствовать, одно прибавлю, что всё это было ужасно, ужасно!..

Вернувшись в Талашкино, я написала всю правду Государю, а письмо моё взялась передать моя приятельница Княжна Оболенская, котор. как раз ехала в Петербург.

На днях мы читали в газетах, что над Кисловодском пронеслась страшная буря, наделавшая большое бедствие в стране. Надеюсь, что это не отразилось на вашем лечении и, что ванны и источники не повреждены?

В Талашкине гостят наши Римские друзья Lindici, муж с женой, очень милые люди, муж поэт, а жена художница и пишет мой портрет.

Во Флёновском теремке живёт семья доктора Сакальского, все очень музыкальные, сын 21 г. играет немного шумно на рояле, а дочь 19 л. мило поёт и хороший голос.

Теннис и покер тоже процветают, работа моя понемногу двигается вперёд. Не заедете ли на обратном пути в Талашкино, взглянуть на вашего бедного друга, котор. так сильно обидели?

Жму вашу руку, поправляйтесь скорее на радость нам всем.

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1398, 2 л.

28 июня 1913 г.

О судьбе картин после выставки 1904 г. в Америке

Художественные вести

Администрация одного из музеев в Сан-Франциско обратилась к некоторым русским художникам с просьбой прислать биографические сведения и точные названия их картин, имеющихся в музее. Данные эти будут опубликованы в выпускаемом музеем новом каталоге. По поводу этого обращения в художественных кругах столицы возникло предположение, что в музей в Сан-Франциско попали, вероятно, какие-либо картины, посланные в 1904 г. в Америку, на выставку, устроенную Грюнвальдом, который распродавал их за несколько десятков тысяч рублей. Всего пропало около 500 картин, в том числе около 70 произведений акад. Н. К. Рериха.

Речь. 1913. 28 июня/11 июля. № 173. С. 3.

[29 июня 1913 г.]

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н.К

Суббота

Родной мой Майчик, что означает увеличение индикана? Меня это очень тревожит. Ведь всё лечение предпринято и направлено против индикана, а его-то и стало больше. Ничего не пойму.

Напиши подробнее, в чём Романовский видит улучшение. Ладно ли ты делаешь, уезжая уже 17 числа. Не лучше ли тебе пробыть все 6 недель.

Если нужны деньги, то у Макса остаётся ещё 500 р. из 2000. Я больше от них не возьму, если нужно Боря мне даст. Эти два праздника 29-е и 30 он проводит у нас. Сегодня мы с ним были на музыке и в Кинематографе. Сейчас лежу в постели и пишу. Мама вчера очень страдала ногами, сегодня же ей много лучше — целый день дремлет. Говорит она очень мало, галлюцинаций нет, и всё время ясно сознает, что она в Павловске. Память всё слабеет, здороваётся по несколько раз, не помнит ни дня, ни часа.

В понедельник пойду на биржу, она немного крепнет. Думаю, что опять выскочим.

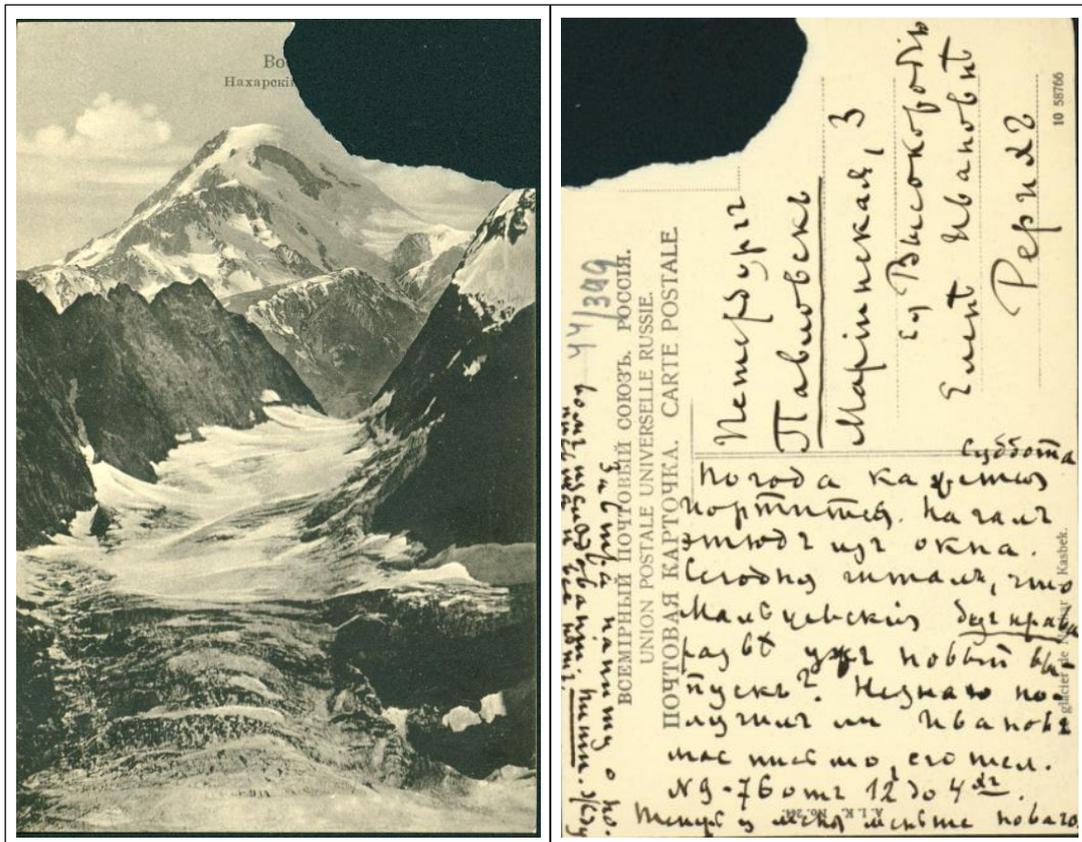
Юрику перестала измерять температуру, он, видимо, поправляется, пьёт кефир прекрасно кушает, спит.

Мне гораздо легче с тех пор, как мама у нас. Она, вообще, мало беспокоит, большей частью дремлет.

Целую тебя мой родной, очень я устала. Был бы ты с нами, всё было бы хорошо. Дача у нас прекрасная. Живём, как в маленьком поместье. Милый, славный мой Май[чик]!

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1209. 2 л.

[29 июня 1913 г. Кисловодск]
Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Петербург.
Павловск_Мариинская, 3
Её высокородию
Елене Ивановне Рерих

Суббота
Погода, кажется, портится. Начал этюд из окна.
Сегодня читал, что мальцевские *без права*, разве уж новый выпуск? Не знаю, получил ли Иванов моё письмо, его тел. № 9-76 от 12 до 4-х.
Теперь у меня меньше нового. Завтра напишу о новом исследовании.
Пиши. Жду письма, и всё нет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/399, 1 л.

29 июня 1913 г.

Открытое письмо Путятина П.А. к Рериху Н.К.

Кавказ.

Кисловодск Пансион Ганешина

Его Высокоблагородию Николаю Константиновичу Рериху.

Бологое. 29 Июня

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я был уверен, что Кавказ с его Кисловодском облегчит Ваши немощи. В прямом билете могут быть остановки. Напишите, с каким поездом и когда будете в Бологом. Мы будем очень рады вас видеть у нас, где, как вы знаете, гостит Кн. Шаховская с дочерью.

На днях мы получили письмо от Лиди сестры. Она пишет, что в Павловск к Ляле перевезли Катю и что ей лучше, и она не так заговаривается. Это утешительно.

Целую крепко

Князь Путятин.

Отдел рукописей ГТГ. ф.44/1158. 1л.

**[Ок. 30 июня 1913 г. Кисловодск]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Родная моя Ладушка, как перевезли Муличку? Как разместила? Как Ты сама-то чувствуешь себя? Очень боюсь я, чтобы Ты не переутомилась. Мне остаётся здесь 15 дней – начинает всё наскучивать; и лечение, и прогулки.

Сегодня от 2 ч. до 7 всё писал на балконе этюды. Устал.

Завтра уезжают Садиковы. За столом нас останется только двое; я и Вельев (Дир. Деп. М. Нар. Просвещ.). Приехала А. П. Боткина с дочерьми, но у меня к ней сердце не лежит. Для меня удобны Власьевы – покличешь с балкона на их балкон, он и бежит – готов на всё.

Насчёт черкесок ребята писали сегодня. Не знаю, найду ли. Тут носят или большие или очень маленькие. А на рост Юрика что-то не видно. Да и где же летом папахи носить. Впрочем, поищу. Если к тому же не очень дорого, у меня как раз в обрез хватит. Ведь прислуге 30 р. надо раздать, каждый день 8½ руб. только лечение, а всё остальное? Помнишь, в Neuenaht'e на 700 р. и костюмов нашил и накупил, а здесь только ковёр 50 р., да браслет 12 р., и от 850 р. в обрез будет. В Р[усском] Сл[ове]⁵ опять моя статейка – ещё 30 р. настрелял. Теперь всё пригодится.

Получил ли Петр из Рус. Молвы 30 р.? Ну, дай Тебе Бог, поудачнее всё. Целую Тебя от всего сердца. *Береги себя.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/387, 1 л.

«Сегодня от 2 ч. до 7 всё писал на балконе этюды. Устал...»

Н.К. Рерих. Горный пейзаж. (Синие горы). 1913.

⁵ Русское Слово (Москва). 1913. 11/24 июня. Н.К. Рерих. «Города пустынные.»